

Венгерские народные сказки

Королевич Мирко

Было ли где, не было, за семьюдесятью семью странами-государствами и еще на вершок подале жил-поживал белый король, и были у того короля три красавца сына. Все три молоденькие, статные и пригожие, да только отец им не радовался, словно бы их и не было. Целые дни напролет в королевской опочивальне просиживал у сьмьдесят седьмого оконца дворца своего – глаз не спуская, глядел на восток, словно бы ждал кого-то оттуда. А кого ждал и ждал ли, про то ни одна живая душа знать не знала, только видели домочадцы: один глаз короля беспрерывно плачет, а другой глаз смеется. Королевичи часто между собой судили-рядили: отчего это батюшка король сторонится всех, главное же – отчего один его глаз плачет, а другой смеется?

– А давайте спросим его,– старший сказал.

– Давайте спросим! – поддержал и младший.

Сказано – сделано: вошел старший в отцовы покои, поздоровался почтительно, как доброму сыну положено. Король повернулся к нему от окна – он, как всегда, на восток смотрел,– спрашивает сердито:

– Чего тебе? Зачем меня беспокоишь?

– Не гневайтесь на меня, дорогой государь батюшка,– отвечает сын, – я только спросить вашу милость хотел, отчего вы всегда у оконца сидите и почему один глаз ваш плачет, а другой смеется? Вот когда король и впрямь разозлился! Схватил булаву и метнул ее в сына, да так, что не успей королевич голову отклонить, тут же и помер бы.

Без памяти выбежал он во двор, где его братья ждали.

– Ну, что сказал тебе батюшка наш? – спрашивают младшие братья.

– А вы ступайте сами к нему, тогда и узнаете.

Отправился к отцу средний брат; минуты не прошло – уже во двор выбежал, точь-в-точь как и старший.

– Что он сказал, что сказал тебе? – спрашивает младший королевич Мирко.

– А ты сам поди к нему, братец Мирко, от него и узнаешь.

– Что ж, пойду,– сказал Мирко и побежал к королю.

Не успел он и рта открыть, отец булавой в него запустил; если б не успел сын голову отвести, помер бы в одночасье. Да только не побежал Мирко от гнева отцовского, как старшие братья. Вырвал он булаву из стены (булава, чтоб вы знали, в стену так и вонзилась), подал ее отцу.

– Вот ваша булава, король батюшка. Коли смерти моей желаете, вот вам и моя голова.

Понравился королю смелый ответ.

– Молодец, сын,– сказал он Мирко,– вижу, тени своей не боишься. Расскажу тебе, отчего один мой глаз всегда плачет, а другой смеется. Я, сынок, днем и ночью горюю о том, что ни один из моих сыновей в короли не годится и что, если помру, распадется прекрасное мое королевство,– оттого один мой глаз плачет. А другой мой глаз оттого смеется всегда, улыбается, что жду я друга своего закадычного,– он, чтоб ты знал, храбрейший витязь, а живет он на шелковом лугу и твердо мне обещал, как только всех своих врагов перебьет, придет ко мне, чтобы вместе нам старость коротать.

– А он еще не всех своих врагов перебил, государь батюшка? – спросил Мирко.

– Нет, сынок. Он ведь один там воюет; сто врагов перебьет, им на смену приходит тысяча.

– Не печальтесь, дорогой отец,– сказал Мирко.– Другой жизни не бывать, смертыньки не миновать, поеду я на шелковый луг, без вашего друга домой не вернусь.

Старшие братья стояли печальные, не сомневались они, что бедного Мирко в живых нет, иначе давно бы уже во двор выбежал. То-то подивились они, когда отворились дворцовые двери и вышел не торопясь Мирко, целый и невредимый. Рассказал он старшим братьям, что от отца услышал.

– Вот что, братья,– сказал самый старший,– первым-то на такое дело мне ехать подобает.

Пошел он опять во дворец.

– Ваше величество, король батюшка, рассказал нам Мирко, что другу вашему, храброму витязю, помощь нужна. Я из сыновей ваших старший, дозвоьте мне ехать на шелковый луг.

– Что ж, сынок, поезжай с богом,– ответил ему король.– Попробуй счастья.

Простился старшой с отцом, с братьями, оседлал скакуна самого красивого и в тот же день усакал. Вернулся он через год – только до медного моста добрался. Конь его по мосту ехать не захотел. Старший сын оторвал тогда от моста планку медную и домой повез в доказательство, что хоть до медного моста все ж доехал. Иначе отец ему не поверил бы.

– Эх, сынок,– сказал ему король,– когда был я таким молодцом, как ты, мне, чтобы к медному мосту слетать и вернуться, не года – одного часа хватило бы. Никогда не найти тебе моего друга, храброго витязя, живи ты хоть до конца света и еще два денька в придачу.

Тут и средний сын объявил отцу, что поедет счастья попытать.

– Ну, что ж, попробуй,– сказал отец.

Оседлал средний сын коня, а год спустя вернулся и он. От серебряного моста планку серебряную привез. Показал ее королю, но тот лишь рукой махнул.

– Вижу, где ты был, можешь ничего не рассказывать,– проговорил он тоскливо.– В твои годы мне на эту дорогу и двух часов хватало. Ложись, сынок, отдыхать, не привезешь ты мне друга моего, витязя храброго.

– Ну, теперь уж мой черед настал,– сказал Мирко и пошел к отцу. Король, как и прежде, сидел у окна, только на этот раз у него оба глаза плакали.

– Не плачьте, король батюшка, не горюйте, ваше величество! Отпустите меня в дорогу. Жизни не пожалею, привезу вам вашего друга!

Стал король сына отговаривать: не ездь, дома останься, оттуда живым не вернешься... Но Мирко умолил, упросил старого короля, не сумел отец ему отказать.

Обрадовался Мирко! Со всех ног побежал на конюшню, чтобы самого красивого коня выбрать.

Кони в отцовской конюшне были как на подбор, но Мирко почему-то ни один по душе не пришелся. Стоит королевич печальный, вдруг, откуда ни возьмись, древняя старуха идет.

Спрашивает его:

– Ты, видно, на шелковый луг собрался, а, Мирко-королевич?

– Угадала, добрая женщина.

– Ну, если так, не ищи себе здесь лошадку. Ступай к отцу, попроси у него рог костяной и труби в него что хватит силы. Услышит рог королевский табун – кони там все золотистой масти, – вернется домой, но ты на этих коней не смотри, жди, когда приковыляет за табуном неказистый жеребенок, тот, что всякий раз, как в ворота входит, хвостом по столбу бьет, так что весь дворец содрогается.

Поблагодарил Мирко за совет, вернулся к отцу.

– Дайте мне, король батюшка, рог костяной, я затем и вернулся.

– Это кто ж тебе присоветовал? – спросил король.

Мирко помялся, помялся – говорить ли? – а потом решил: нечего ему в прятки играть, скажет всю правду, и дело с концом.

– Старушка одна, дорогой отец, седая совсем.

– Ладно, сынок, ступай в седьмое подземелье. Увидишь слуховое окошко. Рог костяной там замурован. Можешь взять его, только будет ли польза? Очень уж давно он без дела лежит.

Спустился Мирко в седьмое подземелье, киркой слуховое окошко размуровал. Костяной рог на месте. Схватил его Мирко, выбрался во двор и затрубил изо всей силы.

Поднялись тут во дворце и в саду шум и гром, треск и звон, лес загудел и поле – примчался вихрем золотистый табун. У каждого красавца коня колокольчик на шее, оттого и звон стоял как на праздник. От коней глаз не отвести, так и играют, танцуют, всхрапывают, на дыбы становятся – кажется, вот сейчас в небо улетят. Только Мирко на них не смотрит, жеребенка неказистого ожидает. Наконец и он показался, далеко от табуна отстал. Но старушка верно сказала: только жеребенок вошел в ворота, махнул по столбу хвостом – весь дворец содрогнулся. Подождал Мирко, пока коней в конюшни завели, привязали, вошел и сам следом, подошел прямо к жеребенку, стал его гладить. Чудо-жеребенок тут же заговорил:

– Знаю я, почему ласкаешь меня, королевич Мирко. Хочешь, чтобы я тебя на шелковый луг отвез, так ведь? Что ж, я готов, да только раньше придется тебе потрудиться.

– Ты только прикажи, – сказал Мирко, – все выполню, чего б ни пожелал ты.

– Накорми меня сперва досыта, путь-то нам долгий предстоит.

– Что же дать тебе, мой конек дорогой? Овса? Сена? Зеленой травы?

– Ни овса, ни сена, ни зеленой травы, молодой хозяин, а дай ты мне мешок ячменя.

Принес Мирко мешок ячменя. Не успел моргнуть – даже зернышка не осталось, все жеребенок уплел.

– Теперь принеси мне мешок гречки.

Мирко и гречку ему принес, а жеребенок и это съел вмиг, будто слизнул.

– Ну, лошадка моя милая, надобно ли еще чего?

– Надобно, молодой хозяин. Дай-ка мне корыто жару алого из костра.

Удивился королевич Мирко, но волю жеребенка исполнил – принес полное корыто жару алого. Жеребенок разом все уголья съел, словно то был зеленый овес. И вот – чудо так чудо! – фыркнул вдруг громко, встряхнулся и обернулся из неказистого жеребенка кривоногого в красавца коня, каких Мирко в жизни не видывал.

– А теперь, молодой мой хозяин, беги во дворец, – сказал чудо-конь, – попроси у отца тот самый меч да тот карабин, с какими он пятьдесят лет назад на войну ходил; потом еще седло попроси и сбрую всю, ту, что на мне была пятьдесят лет назад.

Вихрем полетел Мирко к королю.

– Ваше величество, король батюшка, дайте мне ваш меч, карабин, да седло, да сбрую.

– Какие, сынок? У меня ведь всего этого по тысяче, сам уж не разберусь, что да где.

Объяснил Мирко, что ему нужно.

– Эх, сынок, немного же будет тебе пользы что от меча, что от карабина. Заржавели они давно. И седло, и сбрую в негодность пришли, может, и вовсе пропали... разве что валяются во дворе под навесом.

Мирко на все согласен – заржавели так заржавели, – лишь бы волшебному коню угодить. Сорвал он меч с гвоздя, карабин, бросился под навес во двор. Вот радость-то: и седло отыскал, и сбрую. Только к ним и притронуться страшно – вековой пылью покрыты! Не беда, главное, что нашлись. Побежал Мирко в конюшню.

– Гляди, конек дорогой, все принес я, что ты наказывал.

Дунул конь на меч, карабин, на седло, на сбрую – вмиг ржа пропала, пыль-грязь вековая слетела; засияли меч, карабин, сбруя, седло, ремешки позолоченные засверкали, драгоценными камнями заискрились.

– Вот, молодой хозяин, такое снаряжение королевичу будет под стать.

Оседлал Мирко волшебного коня, уздечку надел, потом меч себе подвязал, карабин, жемчугом дорогим изукрашенный, за пояс заткнул и собрался уж сесть в седло.

– Но-но, молодой господин, не спеши, погоди немного. Сперва из города меня под уздцы выведи,

а уж там в седло садись.

Мирко взял коня под уздцы, вывел из города, вскочил в седло.

– Ну, молодой хозяин, как нести тебя – как ветер мчит или как мысль летит?

– Так, милый конь, как тебе нравится, лишь бы на шелковый луг попасть.

– Если так, то закрой глаза да держись крепче.

Мирко закрыл глаза, а волшебный конь сразу в небо взвился и полетел быстро, как мысль летит, даже еще быстрее. Воздух струями завивался, то холодом обдавало Мирко, то солнцем палило. Волшебный конь летел и летел, через леса и поля, горы и равнины, через быстрые реки. Мирко о том лишь догадывался: глаз ни за что не открыл бы. И вдруг остановился волшебный конь, громко цокнул копытами.

– Открой-ка глаза, молодой хозяин! Мирко открыл глаза.

– Как ты думаешь, где мы?

– Вроде бы у медного моста.

– Так и есть. До этого места твой старший брат доехал. Отсюда и планку медную взял. А теперь закрой глаза.

Мирко закрыл глаза, и опять полетел волшебный конь, только еще быстрее. Уж Мирко старался держаться что было силы, не то его сдуло бы ветром. Немного времени прошло, волшебный конь опять остановился на миг.

– Открой глаза, молодой хозяин.

– Открыл, конь мой милый.

– Что теперь видишь, молодой хозяин?

– Серебряный мост, милый конь мой.

– Погляди, вон там планки одной не хватает, ее средний твой брат домой захватил. Он отсюда назад повернул. А теперь зажмурься, да крепко-крепко.

Эх, быстро они до сих пор летели, но разве ж сравнить с этим полетом! Такой вихрь был навстречу, словно там, впереди, небо обрушилось либо землетрясение началось.

– Не удержаться мне, милый конь, сейчас упаду! – испугался не на шутку Мирко.

– Держись, держись крепче, молодой хозяин, еще только один ураган проскочу!

И проскочил, пронесся стрелой, тут же и наземь спустился, копыта цокнули.

– Открой глаза, молодой хозяин.

– Открыл, конь любимый.

– Что ты видишь, молодой хозяин?

– Вижу золотой мост и с обоих концов по два льва.

– Тогда закрой-ка глаза, да скорее!

Мирко и зажмуриться толком не успел, а волшебный конь уже опять на землю опустил.

– Открой глаза, молодой хозяин. Что теперь видишь?

– Вижу громадную стеклянную гору, крутую, как стена, а вершина неба касается.

– Закрой глаза, молодой хозяин, потому как надо нам на эту гору взобраться.

– Ой, конь мой милый, такого и тебе не осилить.

– Ты только глаза закрой и больше ни о чем не тревожься. Секунды не прошло, а конь уже спрашивает:

– Что теперь видишь, молодой хозяин?

– Вижу под собой что-то черное, с большое блюдо величиной.

– Это земля наша. А еще что видишь?

– Вижу тропинку стеклянную, бесконечную, а по обе стороны от нее пустота зияет.

– По этой тропинке мы и поскачем.

– Ох, милый конь, не удержишься ты, сорвешься, и погибнем мы лютой смертью.

– Не бойся, молодой мой хозяин, не сносились еще те подковы, какие отец твой пятьдесят лет назад алмазными гвоздями подковал. Ты только держись покрепче!

Застучали-зацокали подковы алмазными гвоздиками по стеклянной тропинке, хотя и нечасто: волшебный конь и здесь больше летел, чем скакал, как только было где разлететься. Не забывайте: гора-то вершиной неба касалась!

Для волшебного коня и бесконечная стеклянная тропинка недолго вилась. Остановился он вдруг и говорит:

– Открой глаза, молодой хозяин, что видишь?

– Вижу, сзади слабый свет брезжит, а впереди тьма кромешная, топором не разрубить.

– Ну, еще раз закрой глаза, молодой хозяин, надо нам эту тьму кромешную проскочить.

Рванулся конь, даже треск пошел, а как выскочили из тьмы, все вокруг засияло, да так, что Мирко и руками глаза прикрыл.

– Что теперь видишь, молодой хозяин?

– Вижу, конь мой милый, огромный луг, шелковой травой заросший. Может, это и есть тот самый шелковый луг?

– Угадал, молодой хозяин. А видишь ли посреди шелкового луга маленькое черное пятнышко?

– Вижу, конь мой, вижу.

– Это шатер того самого витязя храброго. Из заморского черного шелка шатер.

Миг один – и вот уж они у шатра.

Соскочил Мирко с волшебного скакуна, бросил поводья на дверь шатра, рядом с лошастью старого воина, и вошел. Видит – лежит старый витязь посередине шатра и спит как убитый, а над ним меч сверкает, направо-налево рубит, чтобы и во сне враги не напали.

Подумал Мирко: «Не стану будить старика, пусть выспится, отдохнет от бранных трудов, лучше и я вздремну немного». Вышел он из шатра, лег на шелковой травушке и тотчас уснул. Да, чтоб не забыть: перед тем как уснуть, он сказал: «Меч мой, меч, вон из ножен!» – и меч точно так же над ним засверкал, направо-налево рубить стал, как и меч старика.

Тем временем старый витязь пробудился от сна, вышел из шатра, глаза протирает, тому, что видит, не верит.

– Гм, гм, чужая лошадь рядом с моей у самого шатра, паренек спит молоденький. Убить его ничего не стоит, да только не стану я его убивать, он ведь тоже меня не тронул.

Не мог старик дожидаться, когда пробудится гость, сам разбудил его.

– Кто ты, сынок, зачем приехал в эти края? – спросил он Мирко.

– Зовут меня Мирко, я младший сын белого короля, к вашим услугам. А приехал сюда затем, чтобы помочь вам до нас добраться, к моему отцу-королю, который вас ждет не дождется.

Обрадовался старый витязь, обнял Мирко, расцеловал и в шатер повел.

– Пойдем, – говорит, – сынок, за стол сядем, отпразднуем встречу. Пятьдесят лет прошло с тех пор, как я в последний раз с твоим отцом пировал.

– Отпразднуем встречу, все так, дядюшка дорогой, – говорит и Мирко, – да что как враги ваши нагрянут!

– Ничего, сынок, вдвоем-то мы их всех перебьем, сколько бы ни народилось их.

Сели они за стол, пируют, веселятся, о врагах и не думают. А они – господа милостивый! – вот уже в дверь шатра ломятся. Весь луг шелковый заполнили, больше их, чем травы в поле, чем звезд на небе.

Тут было уж не до пира. Крикнул старый витязь громовым голосом, и Мирко следом:

– Меч мой, меч, вон из ножен!

Заработали мечи волшебные, направо-налево рубят врагов, в миг один всех уложили, только дюжина воинов и осталась. Да и те припустили бегом, только пятки сверкают.

– На коней, сынок, на коней! – закричал старик.

Вскочили они на коней и пустились в погоню. Да, видно, кони у двенадцати воинов были волшебные, потому как едва до стеклянной горы домчались, тотчас на вершину взлетели.

Остановился тут старый витязь, голову опустил и говорит Мирко:

– Все, сынок, дальше нет мне пути, стерлись гвозди алмазные на подковах моего коня.

Но Мирко его не дослушал, птицей за врагами погнался, на гору взлетел, по стеклянной дорожке промчался, преследует их по пятам. Но вдруг – чего не бывает на свете! – исчезли двенадцать всадников, словно их земля поглотила.

«Куда ж они запропали?» – дивится Мирко. Огляделся – чернеет что-то в стеклянной горе. А это была дверь потайная. Отворил он ее и – прощай, белый свет! – храбро вперед бросился. А кругом темно, впереди темно, сзади темно. Не иначе, думает Мирко, вход в преисподнюю. Так и оказалось. Только двинулся было и – плюх! – прямо в ад угодил. Да сразу ту дюжину всадников углядел: мчатся они галопом к алмазному дворцу.

– Меч, вон из ножен! – закричал Мирко, и в самое время: еще миг – и скрылись бы двенадцать врагов последних за алмазной дверью. Но меч всем им головы снес.

Всего на минуту остановился Мирко перед алмазным дворцом. «Эх, – думает, – другой жизни не бывать, смертыньки не миновать – войду, погляжу, кто там живет». Вошел и рот раскрыл: такого дива еще не видывал. У огромного станка ткацкого сидит колдунья страшная; поведет направо уток – из станка два гусара выскакивают, налево поведет – два пеших воина.

«Э-эх, – думает Мирко, – а ведь это дело не шуточное!» – А ну, меч, вон из ножен!

Бедные солдатики не успели из-под рук колдуньи выскочить, а уж им и конец пришел. Да только вот какая штука: сколько голов срубит меч, столько воинов из станка колдуньи выскакивают.

«Нет, – думает Мирко, – так мне никогда не управиться. Надо ведьме этой голову снести, и некому будет новых воинов ткать».

Ничего не скажешь, надумал так надумал! Да что из того, что он ей голову снес? Руки-то ее сами солдат ткут; не успел Мирко оглянуться, а уж вся комната ими кишит.

Рассердился тут Мирко, всех солдат перебил, колдунью изничтожил, вытащил вместе с ткацким станком во двор и сжег все дотла.

– Ну, теперь не придется уж воевать ни мне, ни старому витязю! – радуется Мирко.

Так, да не так! Поторопился ты, Мирко, рано еще радоваться. Выпала вдруг из огня маленькая косточка, завертелась волчком – да что же это?! – из малой косточки опять колдунья старая на свет появилась.

– Ах, так! – закричал Мирко яростно. – А ну, меч, вон из ножен! Но старая колдунья взмолилась:

– Не убивай ты меня, королевич Мирко, я тебе за добро добром отплачу! Без меня ты отсюда не выберешься. Не губи меня, Мирко! А я не стану воинов ткать!

– Ладно, старая, живи себе, только покажи, как отсюда выбраться. Говорит ему старая колдунья:

– Ну и ну, королевич Мирко, не думала я, что сердце у тебя такое доброе. Возьми за это гвозди алмазные на четыре подковы, они тебе пригодятся, не потеряй, спрячь хорошенько.

Отвела она Мирко к той дыре, через которую он в ад попал. Что верно, то верно, самому бы ему нипочем не отыскать ее, потому как и она была закрыта тайной задвижкой, а увидеть ту задвижку человеческий глаз не может.

– Задвижка, откройся! – приказала колдунья.

Задвижка тотчас освободила проход, волшебный конь Мирко поднатужился и – хлоп! – взвился на вершину стеклянной горы.

Вот теперь только увидел королевич, как круты склоны стеклянной горы. Увидел и ужаснулся.

– Нет, милый конь, я лучше сойду, не удержаться мне в седле, попробую как-нибудь так спуститься.

– Не слезай с седла, молодой хозяин, если хочешь в живых остаться,– сказал ему волшебный конь,– в этих краях нога человеческая не ступала, не на чем ей тут удержаться. Покрепче в гриву мою вцепись, и вынесу я тебя на шелковый луг.

Миг – и скользнул конь по стеклянной горе, словно по льду, вот уж и наземь спустился.

– Открой глаза, молодой хозяин, что ты видишь?

– Вижу опять шелковый луг. А вон и храбрый наш витязь!

Ох и обрадовался старик, Мирко увидя! Он и не чаял уже его живым обнять.

– Вот он я, государь дядюшка,– сказал Мирко,– нет больше врагов у вас, так что за свой край не страшитесь.

– Коли так, отдаю тебе, Мирко, сынок, шелковый луг и все мое государство. Мне ведь жить недолго осталось.

– Благодарствуйте на добром слове, государь дядюшка, но не затем я сюда приехал, чтобы вашим шелковым лугом и государством всем завладеть, а затем, чтобы отвезти вас к моему отцу, белому королю, и чтоб жили вы на старости рядышком.

Старый витязь не заставил себя просить, вмиг вскочил на коня, и поскакали они в пределы белого короля. Да только у стеклянной горы понурил старик голову, запечалился.

– Вот что, Мирко, сынок,– сказал он с тоской превеликой,– придется мне все же здесь оставаться, не увижу я в этой жизни отца твоего. Не может мой конь на стеклянную гору взойти, истерлись на копытах его гвозди алмазные.

– А коль истерлись, мы сейчас другие достанем да подкуем коня наново! – сказал ему королевич Мирко и показал те гвозди, что колдунья дала ему в преисподней.

Быстро, ловко подковал молодец коня, и помчались они, полетели ветра быстрее, мысли быстрее, через горы, долины, моря, океаны, а когда взошла вечерняя звезда, прямо во двор белого короля опустились.

Старый король, как и прежде, сидел у окна, на восток глядел, и один глаз у него плакал, а другой смеялся. А уж как увидел друга старинного и сына Мирко, оба глаза смеяться стали!

Тотчас крикнул король из окошка слугам своим, чтоб вмиг забили двенадцать бычков, а потом и сам во двор проворно сбежал, то друга храброго обнимает-целует, то Мирко, сына. От радости совсем голову потерял. Начался тут пир да гулянье, в семи государствах окрест только о том и говорили. Семь дней, семь ночей радовались, веселились, ели, пили, гуляли. На седьмую ночь говорит старый витязь:

– Ну, старый дружище, скажу я тебе, сын твой молодец хоть куда, получше, чем мы с тобой были в молодые годы!

– Я и сам так же думаю,– отозвался старый король,– а только и он, должно быть, Песьеголового не победил бы.

Услышал Мирко эти речи и не удержался, в беседу старцев словечко вставил.

– А где ж обитает этот Песьеголовый? – спрашивает.– Потому как я и под землей его разыщу!

Старый витязь отнекиваться не стал, объяснил, что отсюда так и так надо ехать, сперва на север держать, потом к востоку повернуть, с востока немного на запад податься, а с запада – к югу чуть-чуть: там и будут владения Песьеголового.

– Ладно, уж я его разыщу.

Вскочил Мирко на волшебного коня; немного проехали, Мирко спрашивает:

– А бывал ли ты, милый конь, во владениях Песьеголового?

– Был однажды, молодой хозяин, да и о том пожалеть пришлось. Думал, уж не вынесу оттуда живым отца твоего. И тебе лучше б туда не ехать, дома остаться.

– Другой жизни не бывать, смертыньки не миновать, не успокоюсь, пока с Песьеголовым не повстречаюсь.

– Будь по-твоему, молодой хозяин, закрой же глаза, потому как я нигде не остановлюсь, пока во владенья Песьеголового не прибудем. Жили вместе и помрем вместе.

Зажмурился Мирко, и помчался волшебный конь быстрее молнии. Раз оттолкнется копытами – два государства проскочит, дважды оттолкнется – два царства да два моря позади оставит. Скоро и на место прибыли.

– Открой, молодой хозяин, глаза, что видишь ты?

– Вижу дворец алмазный в шесть этажей, и сверкает он так, что смотреть больно.

– А в шестом окне на шестом этаже что видишь?

– Вижу девицу, да такую красавицу, что и вовсе смотреть на нее невозможно, глазам больно. Верно, это дочка Песьеголового.

– Не угадал ты, молодой хозяин, это дочка черного короля. Песьеголовый выкрал ее и держит в плену.

Как услышал Мирко эти слова, с коня спрыгнул – и бегом к королевне. А королевна его увидела да как закричит:

– Остановись, молодец, во дворец не входи, если жизнь мила! Убьет тебя Песьеголовый!

Но разве Мирко этим удержишь! Только она от окна обернулась, а он уже перед ней стоит.

– Здравствуй, – говорит, – девица-краса.

– Кто ты таков, – спрашивает королевна, – как насмелился сюда явиться?

– Мирко-королевич я, а сюда явился, чтобы Песьеголового убить.

– Ах, королевич несчастный, не родился еще тот человек, который бы Песьеголового победил.

Сила у него необыкновенная: как домой возвращается с охоты, палицу за семьдесят верст во двор бросает, чтоб зря не тащить.

– А хоть бы и за семьсот верст бросал свою палицу, – Мирко ей отвечает, – все равно я в бой с ним вступлю, тебя освобожу и увезу с собой в мое королевство.

Эх, чуть было не запаматовал: королевне-то Мирко сразу пришелся по сердцу. Говорит ему дочь черного короля:

– Жаль мне жизнь твою молодую, Мирко, а потому открою тебе, откуда силу Песьеголовый берет. Возьми вот кувшин, ступай с ним в подпол, увидишь там бочку. Кувшинчик из той бочки наполни: как в него пальцы обмакнешь – сразу силы прибавится, так что и полтысячи человек с тобой не сладят.

Поблагодарил ее Мирко за добрый совет, спустился в подвал, кувшинчик наполнил, а что в бочке оставалось, все на землю выпустил, чтобы неоткуда было Песьеголовому силы призанять.

Привязал кувшин на шею, незаметно припрятал за пазухой, поднялся затем к королевне, и вышли они вместе на крыльцо, стали Песьеголового ждать.

Вдруг все окрест потемнело, воздух смерчем завился, светопреставление, да и только, а потом гроыхнуло – упала посреди двора палица неподъемная, из земли вода выступила, брызги во все стороны полетели.

– Готовься, Мирко, Песьеголовый идет! – вскрикнула королевна.

Обмакнул Мирко пальцы в кувшин, сбегал во двор, палицу подхватил и так метнул ее, что она прямо под ноги коню Песьеголового упала, хотя он далеко еще был от дворца, в семидесяти верстах, а то и подальше.

Споткнулся конь о палицу, всхрапнул громко, назад отпрянул.

– Эй ты, тварь, чтоб тебя волки задрали! – заорал Песьеголовый в сердцах. – Семьсот лет меня носишь, не споткнешься, а тут что с тобой приключилось?

– А то со мной приключилось, что кто-то палицу твою мне под ноги бросил.

– Подумаешь, горе какое, знаю я, кто ее швырнул мне. Еще шестьсот лет назад я видел во сне, что явится в эти края королевич Мирко и вздумает со мной силою потягаться. Ну-ну, где он там, щенок?! Сейчас я ему шею сверну!

Пришпорил Песьеголовый коня и вмиг у своего дворца очутился. Подошел прямо к Мирко и говорит ему:

– Что, Мирко, явился-таки? Ну что ж, живым не уйдешь отсюда. На мечях биться будем либо так драться?

– Мне все равно, Песьеголовый. Ты старше, ты и выбирай.

– Ладно, сынок, сразимся мечами.

– Меч, вон из ножен! – в один голос крикнули оба, и засверкали мечи, искры от них так и посыпались.

– Эдак ничего у нас не выйдет, – сказал Мирко, – зря только мечи зазубрим. Давай бороться, Песьеголовый.

– Ладно, Мирко, давай бороться, прощайся, пока жив, с отцом-матерью, с родичами, коли есть они у тебя.

– Я уже попрощался, – говорит Мирко, – попрощайся и ты, Песьеголовый.

– И я уже попрощался, шестьсот лет тому назад.

– Тогда прикажем оба мечам своим в ножны вернуться. Сказано – сделано. После того стали они бороться. Бились так, что земля сотрясалась. То Мирко Песьеголового на лопатки положит, то Песьеголовый – Мирко, да только оба в тот же миг опять на ноги вскакивали. Бились, бились, и справа заходили, и слева – ни один другого победить не может.

– А ну-ка еще разок! – крикнул Песьеголовый, обхватил Мирко руками и так оземь грохнул, что тот по пояс в землю ушел.

Вспомнил тут Мирко про кувшин, обмакнул мизинец, из земли сразу выскочил, схватил Песьеголового и наземь швырнул, так что гром по округе прошел. Поташил он Песьеголового за волосы к озеру бездонному, что за дворцом раскинулось, голову ему отрубил, тело в воду бросил. Радости было во дворце алмазном – и не описать! Королевна сама Мирко на шею кинулась:

– Ты мой, я твоя навеки!

Собрались они скоренько в путь, уже и на волшебного коня можно бы садиться, да Мирко что-то задумался, вроде бы печаль томит его.

– Что с тобой, Мирко? – спрашивает королевна. – Может, меня с собой брать не хочешь?

– Что ты, милая, не оставляю я тебя ни за какие сокровища, просто жаль мне алмазный дворец бросать, очень уж он красивый.

– Ну, коли ты об этом печалишься, – сказала королевна, – сейчас я тебя развеселю. Вот возьми эту палочку алмазную. Я вернусь во дворец, а ты ступай вокруг дворца, палочкой по нему постукивай, и он потихоньку-полегоньку свернется, величиной не больше яблока станет. Положи тогда его в котомку, а дома по яблоку этой палочкой постучи, и опять оно станет дворцом алмазным, там и меня увидишь, в шестом окошке на шестом этаже.

Мирко так и сделал, как ему королевна наказывала. И впрямь: громадный дворец свернулся, в яблочко превратился, да такое маленькое – на ладони уместился весь. Положил его Мирко в суму – раз, два! – до десяти сосчитать не успел, как уже во дворе отцовского дворца очутился. Старый король и заветный его друг-товарищ, издали Мирко увидели, кричат:

– Ну, победил ли ты Песьеголового? Мирко кричит в ответ:

– А то как же!

– Эй, Мирко, сынок, зачем зря говоришь,— сказал старый ви-гязь, — ты ж там и не был.

– И мне что-то не верится,— сказал отец.

Мирко молча достал из сумы алмазное яблочко, положил его посреди двора, постучал со всех сторон алмазной палочкой, и вдруг – вот чудо так чудо! – стало яблоко быстро-быстро расти, глядь, а посередине двора дворец алмазный стоит, сверкает, всеми красками переливается, а в шестом окошке на шестом этаже сидит, облокотясь, королева красоты несказанной.

– Это Песьеголового дворец,— закричали старики,— второго такого нет в целом мире! Ты, Мирко, настоящий мужчина.

Поздоровались старики с Мирко за руку, обняли, расцеловали его, по всей стране глашатаев разослали, чтобы знал народ: победил Мирко Песьеголового и с этого дня он король Белого государства. Тут же и священника призвали, чтоб обвенчал он Мирко с прекрасной королевной. Зажили они хорошо и сейчас еще живы, если не померли.